

7-я группа IV курса и ее педагоги – 1948 г. В первом ряду слева направо: Леонид Николаевич Павлов, З.Архангельская, Любовь Врангель, И.Семейкин, З.Арзамасова, Лев Владимирович Мелеги – во втором ряду В.Рузина, Г.Тюленева, Ф.Новиков, М.Денисов, А.Жунин, Н.Яворовская, Н.Прозорова, С.Любимов.

Фотография из зачетной книжки - 1944 г.

Феликс Новиков

«Мы все учились понемногу...

Что-то искал в среднем ящике тумбочки, прислоненной к столу с компьютером, и нечаянно наткнулся на корочку, где внятно читается рельефная надпись - ДИПЛОМ, над которой также рельефно изображен герб Советского Союза. Открыл, и вдруг бросилась в глаза дата и следующая за ней надпись: 30 июня 1950 г. ему присвоена квалификация Архитектора. Наклонные буквы и му в том числе старательно написаны от руки. Сверху под словом ДИПЛОМ красным напечатано **с отличием**, а ниже номер В №033759 и стоит подпись Председателя Государственной Экзаменационной Комиссии академика С.Чернышева. Но главное – дата. Выходит, что в этом году исполняется 60 (шестьдесят!) лет с момента окончания МАрХИ – тогда МАИ. Ничего себе цифра! И каким же древним я представляюсь нынешним выпускникам! Это ведь все равно, что для меня в том 1950-м выпускники 1890 года!

Интересно, кто из тех мастеров, которых я знаю, получил свой диплом в том году? Ваня Жолтовский в 90-м году XIX века, как и я в 50-м XX-го, был 22-летним, но диплом он получил спустя восемь лет. Лёша Щусев окончил Академию Художеств в 97-м, а Ваня Фомин только в 94-м поступил в это учебное заведение. Любопытно, что в связи со студенческими волнениями в 97-м Академия объявила всех студентов отчисленными и потребовала от каждого повторной подачи заявления о приеме. А студент Фомин его не подал и на год уехал во Францию, где продолжал изучение архитектуры. Сдав по

возвращении экзамен на право производства работ, он поначалу помощничал у Л.Кекушева и Ф.Шехтеля. Позднее занятия в Академии он продолжил и окончил ее только в 1909-м. Выходит, что я вообще никого не знаю из выпускников того «затертого» 1890-го. И сегодня неясно, кого же из нынешних дипломантов МАрХИ будут знать юные архитекторы 2070-го. Подумайте только – поступал я в 44-м, явившись семнадцатилетним на первый курс, окончив экстерном два последних класса 10-летки. Война еще продолжалась. С нами вместе учились вернувшиеся с войны победители – солдаты, офицеры, партизаны, познавшие фронтовую жизнь, покалеченные войной, возмужавшие в ее сражениях. Нас было двести двадцать. И то, что на курсе смешались люди разных возрастов, разного жизненного опыта было, как полагаю, взаимоплезно. Атмосфера в МАИ отличалась тогда общим подъемом, переживаемым страной после Победы, и, конечно, его профессиональным аспектом, открывающим для архитектора перспективы восстановления, реконструкции, созидания. Все мы ощущали свою нужность обществу, уверенность в том, что каждого из нас ждет жизнь, стройка, творчество. В затемненных аудиториях я смотрел черные белые изображения великих памятников архитектуры, занимался обмерами оперного дома в Царицыно, практиковался на стройках Москвы, Златоуста и Севастополя, путешествовал с этюдником по Украине,

Грузии и Армении, анализировал композицию ансамбля площади св. Марка (этот полезный предмет назывался «Архитектурный анализ») и, конечно, проектировал на заданные темы, особенно в дни «сплошняка», когда отменялись занятия по всем прочим предметам. А потом наступала тишина, и академик И.Жолтовский, сопровождаемый свитой педагогов, шествовал по выставке, оценивая наше творчество той или иной однозначной цифрой.

Как художественный руководитель института он «задавал тон» всему учебному процессу. Должно быть, им было рекомендовано начинать приобщение юного студента к архитектуре посредством исполнения копии романтического пейзажа. Он утверждал, что «наряду с натурным рисунком надо развивать умение копировать хорошие оригиналы, будь то орнаментальные слепки, образцовые чертежи или отмыски крупных мастеров». Я полагаю, что и следующее задание, воспроизводящее какую-либо классическую постройку (в моем случае арку - Палладио в Виченце), тоже было определено не без его участия. И хотя творческое содержание таких занятий, на мой взгляд, сомнительно, мы занимались этим делом не без удовольствия. Патронаж Ивана Владиславовича освещал все творческие дисциплины. И относился он к этой своей функции с искренним интересом, всякий раз досадуя при встрече с невежеством студента. Помнится, он пожаловался в интервью корреспонденту «Литературной газеты» на то, что, задав кому-то

Крытый рынок. Эскиз преддипломного проекта. 1949 г. Руководители И.Соболев, М.Лисициан.

из нас вопрос: «Что такое стилобат?», услышал в ответ: «Это город в Афинах». Проектом с нами занимались замечательные педагоги. Назову только своих – Леонид Павлов, Лев Мелеги, Дмитрий Олтаржевский, Степан Сатунц, а на дипломе – Иван Соболев и Мигран Лисициан – все это интересные люди, яркие личности, мастера. Мы были неподдельными энтузиастами всех художественных дисциплин, без которых нынешний архитектор может обойтись – все за него сделает компьютер. Речь о рисунке, акварели, скульптуре. Ведь нам предстояло делать архитектуру руками, «из-под пальцев» она выходила. Никак иначе. И в этом была своя прелесть, особое удовольствие.

Историю архитектуры нам читали блестящие профессора – Габричевский, ...Сидоров, ...Торопов, интерьер и мебель Н.Н.Соболев – отец выше упомянутого, это были люди «старой закалки», носители подлинной художественной культуры, свидетели расцвета серебряного века российского искусства. Однако, помимо всего прочего, у нас было немало других, мягко говоря, отвлекающих дисциплин.

...чему-нибудь...

Действительно, в каких только науках нас не наставляли? С позиции своего многолетнего опыта проектной и строительной деятельности, возраста, наконец, я могу себе позволить судить о том, чему учить следовало, а на что драгоценные академические

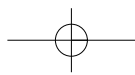
часы тратились понапрасну. Сделать это нетрудно, поскольку в диплом вложена пожелтевшая бумажка – ВЫПИСКА ИЗ ЗАЧЕТНОЙ КНИЖКИ, где перечислены все предметы, по которым я сдавал зачеты или экзамены, и, как это не покажется сегодня странным, во главе списка стоят три основополагающие дисциплины, без которых нельзя было получить диплом высшего учебного заведения, причем любого. Марксизм-ленинизм, Политэкономия, Диалектический и исторический материализм – основа советского высшего образования. Нынешний студент идеологического прессинга не знает. А в наши времена без него путь в архитектуру был заказан. А что я помню теперь? Честно скажу, немного.

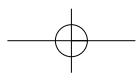
Вел у нас семинары по марксизму некто Селиверстов. Носил он бабье лицо и прическу, несколько букв алфавита ему не давались. Дефекты его речи замечательно копировал студент младшего курса Егор Щукин – сын великого артиста, ставший позднее кинорежиссером. Звучало это так: «Мне зена говорит, что я бестгастен. А я ей сказал – ты пгиходи ко мне на семинаг. Я весь гого. Как вулкан огнедысасий, извеггаюсь». Ну, и так далее. А все остальное забылось. А сколько учебного времени было на это потрачено! При том, что о социальных аспектах профессиональной деятельности архитектора речь не велась вовсе. Не было такого предмета. Зато мы сдавали зачет по «Закону о пятилетнем плане». Не помню только, какому по счету.

Спецподготовке тоже отдано немало академических часов. А позднее ей посвящались еще и летние сборы, от которых мы были избавлены. Казалось, тогда уже было ясно, что стране, где сотни городов и тысячи поселков были разрушены войной, зодчие нужнее, чем младшие лейтенанты запаса. Тем более со специальностью маскировщика. Ан нет – нас, должно быть, к новой войне не готовили. Но я прожил штатскую жизнь, ни разу не надев армейскую форму. Значит, и это время потрачено попусту. И было еще множество технических курсов, которые в первом приближении, несомненно, нужны архитектору. Весь вопрос в том, как их преподнести.

...и как-нибудь».

Спустя тридцать семь лет после окончания института я сам был главой Государственной Комиссии, дипломировавшей юных архитекторов, прошедших курс обучения в Казанском строительном институте. А после того опубликовал на страницах «Архитектуры СССР» нечто, названное мной «Записки председателя ГЭКа». Там были следующие строки: «Должно быть, каждый смежный курс – будь то конструкции, инженерное оборудование, материаловедение или экономические проблемы – все должно преподноситься в виде, соответствующем нашей профессиональной ориентации. Кто поймет, что архитектору все надо преподавать иначе, чем строителю? Не просто в сокращенном объеме, а принципиально иначе.

Диплом.

Первая постройка - станция метро «Краснопresненская». 1954 г. Архит. В.Егеров, М.Константинов, Ф.Новиков, И.Покровский.

И, должно быть, пока не родится архитектор, способный «перекроить», переосмыслить «штатные» инженерные курсы соответственно содержанию профессиональной деятельности, последующие поколения студентов и впредь будут тратить многие часы на познание того, с чем больше никогда в жизни не встретятся».

Будущему архитектору должно дать свое профессиональное представление о сущности теоретической механики, статики сооружений, сопромате. Мне ни разу в жизни не пришлось рассчитывать строительную конструкцию, мне так и не понадобились знания, необходимые для расчета числа заклепок в той или иной крепежной косынке. Иначе говоря, зодчему нужно читать курс знаний, демонстрирующий тектоническую сущность предмета.

То же самое относится и к другим смежным дисциплинам. Должно быть, и теперь студент МАрХИ отчитывается в знании курсов водоснабжения и канализации, отопления и вентиляции. В этом деле также нужна сугубо профессиональная ориентация. Например, представление о том, что технические элементы той или иной обслуживающей системы могут обрести эстетически осмысленную форму и стать составляющей художественного образа сооружения. Поверите ли, но не далее, как вчера, я нашел слова Жолтовского, сказанные им по данному поводу за полсотни лет до публикации моих записок, в докладе, называемом «Воспитание мастера архитектуры» на 1-м съезде архитекторов

СССР 26 июня 1937 года. «В нашей вузовской практике учащегося загружают огромным количеством всяких технических и математических сведений, алгебраическими выкладками и расчетами, с которыми ему впоследствии никогда не придется встретиться, и поэтому он их никогда не запомнит». Наверное, можно посчитать число часов, которое студент второй половины сороковых годов прошлого века потратил на ненужные знания. А нынешний?

Долго ли, коротко ли, но учебный процесс завершился защитой диплома, после которой по тогдашним порядкам выпускникам следовало направляться на работу в разные концы страны, согласно «распределению». Каждого из нас вызывали на собеседование, предлагали то или иное место назначения. Я подумывал о Севастополе, где главным архитектором города был мой двоюродный брат Виктор Мелик-Парсаданов, ставший потом главным архитектором Крыма. Но популярную в ту пору песню мы пели с подлинной первой строкой куплета, а вторую сочинил студент моей группы Иосиф Файн. Звучала она так: «Куда бы нас отчислили ни послала, Мы все равно туда не попадем».

Как вскоре выяснилось, он был прав. К моменту окончательного распределения острая потребность в кадрах возникла в столичных проектных организациях, и большинство из нас оказались в Москве. Шеф моего диплома И.Н.Соболев пригласил меня в свою мастерскую. Мы начали свою творческую деятельность, истово украшая столицу «класси-

ческими» формами и делали это без сомнений в своей правоте, убежденные в ней всем, что было нами воспринято в стенах alma mater. Там, в этих стенах, в первый же учебный день, 1 октября 44-го я познакомился со своей будущей женой Галиной Жирмунской, там я нашел своих любимых друзей на всю последующую жизнь – моих однокурсников Игоря Покровского и Виктора Егерова. Я благодарен судьбе за то, что она привела меня в Московский Архитектурный.

Но пройдет пять лет и нам всем придется переучиваться. Не только недавним студентам, но и учителям нашим – профессорам и доцентам – всем, кто исповедовал учение Жолтовского.

И хотя сам Иван Владиславович был отстранен от руководства еще в 48-м, дух его царил в институте, по крайней мере, до 55-го. Иначе говоря, до известной речи Хрущева и постановления «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве». И тогда, решительно меняя свои творческие предпочтения, мы повернулись лицом к Западу, обратились к наследию собственного авангарда, начался новый этап советской архитектурной истории. Но только теперь этот была совсем другая школа – школа жизни.

Все это было очень давно. О столь далеких событиях автором строк, послуживших мне для названия этого текста, сказано: «Дела давно минувших дней, преданье старины глубокой».

